

УДК 811.111'23

Doi 10.26456/vtfilol/2025.4.052

ЛИНГВОКУЛЬТУРНАЯ СПЕЦИФИКА РУССКИХ ПАРЕМИЙ СО СЛОВОМ *СОЛДАТ*

Е.М. Масленникова¹, У.В. Вакуленко²

¹Тверской государственный университет, г. Тверь

²Военная академия воздушно-космической обороны им.
Маршала Советского Союза Г.К. Жукова, г. Тверь

В статье обсуждаются закодированные в русских паремиях со словом СОЛДАТ культурные смыслы, сценарии культуры, национально-специфические ценности и внутрисоциумные установки. Представлены перцептивно-образные параметры лингвокультурного типажа РУССКИЙ СОЛДАТ. Авторы показывают параметры лингвокультурных кодов в паремиях про СОЛДАТА.

Ключевые слова: культура, лингвокультура, паремии, культурные коды.

СОЛДАТ в русском языке: этимология. Существительное СОЛДАТ появилось в русском языке в XVII веке, т.е. гораздо позднее, чем в других европейских языках, например, в английском языке появление слова *soldier*, обозначающего лицо, находящееся на военной службе, относится к XIII веку [19 и др.]. Считается, что слово СОЛДАТ перешло в русский язык из немецкого языка (*Soldat*) [16 и др.], где *Soldat*, как и в других романо-германских языках, имеет латинское происхождение от названия монет *solidus* 'солид', которыми выплачивалось солдатское жалование. Несмотря на относительно недавнее появление существительного СОЛДАТ в русском языке, оно входит в состав многочисленных паремий русского языка, отражающих национально-специфичный лингвокультурный код, а также национальную ментальность.

Материал исследования. В.И. Даль включил в «Толковый словарь русского языка» [5] и сборник «Пословиц русского народа» [4] 173 паремии со словом СОЛДАТ в их составе. Большая часть из них связана с условиями несения солдатской службы в царской России.

Современные словари русского языка [13; 15; 17] дают только восемь выражений со словом СОЛДАТ, из которых пять выражений связаны с реалиями XVII-XIX века, а именно с рекрутским набором на службу (*в солдатах быть / служить; в солдатство брать / идти; в солдаты брать / идти*) и правом служить на общем основании (*пахотные солдаты*) или наравне с дворянами (*солдатские дети*).

Лингвокультурные коды в русских паремиях про СОЛДАТА. Говоря о культурно-национальном мировидении и о культурно-концептуальной соотносительности, В.Н. Телия писала, что «система языковых значений соотносится в интерпретативном режиме с

культурной компетенцией носителей языка» [14: 230]. Под кодом культуры понимается «система знаков (знаковых тел) материального и духовного мира, ставших носителями культурных смыслов; в процессе освоения человеком мира они воплотили в себе культурные смыслы, которые “прочитываются в этих знаках”» [3: 9]. Количество кодов культуры варьируется, начиная от 6 базовых культурных кодов (соматический телесный, пространственный, временной, предметный, биоморфный и духовный) [7] до 14 лингвокультурных кодов (стихийный, вещественный, пищевой, предметный, вегетативный, витальный, соматический, перцептивный, зооморфный, антропоморфный, колоративный, пространственный, темпоральный, духовный) [12 и др.].

Стихийный код в паремиях про СОЛДАТА связан с состоянием холода, который не страшен русскому человеку (*Солдат только на морозе да на огне краснеет*), способному переносить его даже без тёплой одежды (*Нешто солдату и без шубы деется: идёт да греется!; У солдата шило бреем, а шубы нет, так палка греет*). Близость из четырёх стихий земли (*Солдату умереть в поле, матросу в море*) обусловлена тем, что изначально солдатами называли исключительно пехотинцев (*Кто в солдатах не бывал, тот землепроходного зелья не видал*).

Примером проявления **вещественного кода** являются паремии, в которых говорится, что настоящий солдат проходит испытание боем, т.е. закаляется огнём: опытного или бывалого солдата называли *перекалённым*, т.е. используя метафору металла.

Параметры **пищевого** (гастрономического) **кода** свидетельствуют о том, что СОЛДАТ неприхотлив в отношении пищевых продуктов (*Солдат походя наестся, сто́я выпится, идучи туда и сюда*) и их количестве (*Солдаты, что малые ребята: и много поедят, и малым сыты*), а, будучи изобретательным, способен обойтись тем, что под рукой (*Солдат из борóньего зуба щи варил*). Для русской лингвокультуры одним из базовых концептов является концепт «хлеб» (*Хлеб – всему голова*), с которым связана паремия, сравнивающая отданного в солдаты члена семьи с ломтём хлеба (*Солдат – отрезанный ломоть*).

Отмечаемая в паремиях склонность к крепким напиткам объясняется, на наш взгляд, тяжёлыми условиями службы в царской армии, когда выпитое позволяло забыться (*Одну выпьешь, боишься; другую выпьешь, боишься; а как третью выпьешь, так и не боишься, отвечал солдат на вопрос, как он не боится пить, зная, что накажут*).

Предметный код лингвокультуры охватывает натурфакты и артефакты. Поскольку в рекруты забирали крестьян, то в паремиях фигурируют предметы крестьянского быта: *соха* (*Из сохи выпряги, да под солдата отдай*), *плуг* (*Плуг кормит, а оружие портит* – о разнице между мужиком и солдатом). Рекрутов и солдат жалели (*Солдат – горемыка*,

хуже лапотного лыка), о чём говорит оксюморон: *Весёлое горе* (вариант – *горькое веселье*) *солдатская жизнь*.

Другие параметры предметного кода связаны с обмундированием (*Безамунический солдат не воин*) и немногочисленным имуществом, среди которого упоминаются *бритва* и *шило*. Солдатский юмор говорит о том, что, несмотря на частое отсутствие необходимых личных вещей (*С голого солдата не пуговку сорвёшь; С солдата не пуговку сорвёшь*), всегда находится выход из положения (*У нас и шило бреет, а шубы нет, так палка греет; Бритвы нет, так шило бреет; шубы нет, так палка греет*).

Специальный покрой шинели образца 1802 допускал её использование в качестве одеяла (*У солдата шинель – постель, шинель – кошель, а руки – крюки*), а полы подгибались особым образом для облегчения движения и манёвренности (*Лихо дело полы шинели подоткнуть – а там – пошёл!*).

Согласно указу Пётра I от 4 января 1700 года круглые шапки с меховой оторочкой кроились для офицеров и солдат из красного сукна [18], что объясняет содержащиеся в паремиях угрозы (*Быть тебе под красной шапкой*). Петровские реформы потребовали вооружить солдат ружьями и шпагами (*Солдат без шпаги хуже бабы; Солдат без ружья – тот же баран; ср. Казак без коня, что солдат без ружья*).

Вегетативный (растительный) код связан с превратностями солдатской службы, указывая на обстоятельства походной жизни (*Солдатская голова, как под дождичком трава*). Возрастные ограничения, а в солдаты забирали, тех, кто был моложе 20 и не старше 35 лет, описываются с помощью метафоры цветения, отождествляющей также физическое здоровье (*Он поспел в солдаты*).

Отсутствие **витального кода** в паремиях про *СОЛДАТА* можно объяснить тем, от него изначально требуют здоровья для выполнения ими служебных обязанностей (*Неисправный солдат не служака*).

Параметры **соматического (телесного) кода** связаны с физическими данными и эмоциональным настроением: рост не ниже 160 см, правильные пропорции тела (*У конного солдата ноги лучком*), хорошая память для запоминания команд и приказов (*Солдат должен помнить все бои – имеет в виду бой барабана*), храбрость (*Не солдат то, коли коленки подгибаются*) и боевой дух (*Солдат – костяной кулак; У солдата кулак костяной*). Хорошая физическая подготовка ведёт к победе (*Коли у русского солдата поясница поразомнётся, да ноги поразмотаются, так только держись подмётки!*). Особенности строевой подготовки в царской армии (*Солдат в струнку вытянулся; Солдат выправляется стойкой*) сохранены в выражении *прыгнуть солдатиком*, т.е. прыгнуть в положении стоя, держа руки по швам.

Перцептивный код отражён только в одной паремии: *Солдатская душа страхована*.

Широко представлен в паремиях **зооморфный код**, включающий признаки животных, птиц и насекомых. Паремии с анимализмами касаются не только положительных качеств СОЛДАТА, а именно боевого духа и способности постоять за себя (*Цыц, собака, не съешь солдата: солдат сам собака!*; ср. *Солдаты – народ опасный; С солдатом не спорить стать; Солдат наш крепок в бою*), манёвренности (*Где коза прошла, там и солдат пройдёт*), но и склонности к воровству (*На волка помолвка, а солдат телёнка украл; Солдат, как волк: где попало, там и рвёт*), которое не порицалось (*Солдату не грех и поживиться; Солдату не украсть, так негде взять; Не за то бьют солдата, что крадёт, а чтобы концы хоронил*). Орнитизмы касаются особенностей строевой подготовки (*Только журавли в ногу ходят, да солдаты*; ср. *Солдатскую походку издали знают*), а энтоизмы – манёвренности (*Служивый, что муха – была бы где щель, везде пролезет*; ср. *Где тесно, там-то солдату и место; Где щель, там солдат пролезет; где свалится, там и спит*).

Параметры **антропоморфного кода** касаются гендерных и эмотивных черт характера (**индивидуальный субкод**), а также интерперсональных, этических и религиозных отношений (**социальный субкод**). Поскольку в царской армии солдат забирали по рекрутскому набору согласно вытянутому жребия (*Жеребей дурак: родного отца в солдаты отдаст*), то многих оторвали от семей (*Понасвátала сваха невест, а женихи в солдаты ушли!*). В результате жены солдат оказывались на иждивении крестьянской общины, которая принимала на себя обязательства по прокормлению детей, оставшихся фактически сиротами при живом отце (*Солдаткиным ребятам вся деревня отец*).

В рекруты попадали согласно физическим данным (*Кусай грош, резвому в солдаты по жеребью*) и возрасту (*Он поспел в солдаты*). От них требовался рост не ниже 1,60 м (*Он короток, в солдаты не годен; Он маловат, в солдаты не годен; Кто под мерку не подошёл, тому и жить не страшно*) и отсутствие изъянов во внешности (*Коли кочергой зубы выбила, так в солдаты не возьмут*).

Оторванность от семей на долгие 25 лет (*Двадцать пять лет солдатский век*) заставляла рядовых военнослужащих искать замену родственным отношениям: отсюда идут корни современного военного братства (*Солдату солдат родной брат*). Фиксируемая в паремиях идея солдатского братства и единства (*Один солдат – не полк*) сохраняется до сих пор в армии Российской Федерации.

На нехватку связей с настоящими семьями указывают паремии-загадки: *солдатская жена* – это ружье, а *солдатский братец* – это ранец. Функцию строгого, но справедливого отца брал на себя командир (*Солдату отец – командир; мать и мачеха – служба*), отбирающе-шл для себя подчинённых (*Доброго солдата выбирают, а не покупают*). Соответственно, командиры лаского обращались к рядовым, именуя их

солдатушками-ребятушками и детками (За мною, детки; вперёд, деточки, детушки!)).

Уход на 25 лет в армию приравнялся к смерти (*Солдат домой пишет, поминать велит*). Оказавшийся на действительной службе человек был полностью потерян для мирской жизни и был вынужден неукоснительно подчиняться строгому уставу (*Иду в солдаты, ср. иду в монахи; От горя в солдаты, а от беды в черны*).

Фактически, паремии связывают СОЛДАТА с профессиональной принадлежностью (*Поп поёт, кузнец куёт, а солдат свою службу служит*). Поскольку в рекруты могли отдать за неодобряемое общиной поведение (*Поизворовался детина, надо в солдаты отдать*), то солдата отличает взрывной характер (*Беса в солдаты отдали*), когда его боится даже нечистая сила. К личностным характеристиками также относятся: определённое бесстыдство (*Солдат – бесстыжие глаза*), проявляемое, например, в склонности к воровству (*Солдат чего не унесёт, так разобьёт; Солдат не крадёт, а под полою, случается, унесёт; Солдата за все бьют, только за воровство не бьют; Солдат, что багор: зацепил, потащил; сорвалось – не удалось*).

Тем не менее, СОЛДАТУ свойственно честолюбие. Безупречная служба и личная храбрость на поле боя позволяли выдвинуться и двигаться по карьерной лестнице. Офицеры среднего звена могли получить личное дворянство. В.И. Даль приводит следующий вариант честолюбивого выражения: *Худой солдат, который не надеется быть генералом*. Афоризм «Плох тот солдат, который не мечтает стать генералом» обычно приписывают полководцу А.В. Суворову (1730–1800). Современные словари предлагают вариант: *Плох тот солдат, который не думает быть генералом*. Однако разные источники фиксируют следующие формы этого крылатого выражения, имеющего в русской культуре долгую историю: *Всякий солдат хочет быть генералом, а матрос адмиралом* (1770), *Плохой тот солдат, который не надеется быть генералом* (П. Сумароков, 1833), *Плохой тот солдат, который не думает быть генералом, а ещё плоше тот, который слишком думает, что с ним будет* (А.Ф. Погосский, 1855).

Колоративный код связан с солдатской формой, введённой Петром I в 1700 году – головной убор из красного сукна и кафтан до колен зелёного цвета в пехоте и синего в кавалерии (*Солдат Яшка, красная рубашка, синие ластовицы*). Соответственно, носить красную шапку означало быть солдатом (*Быть тебе под красной шапкой; Отдали под краску шапку, в солдаты; Красная нужда, солдатская служба*).

Пространственный код показывает, что в СОЛДАТЕ больше земного (*Солдат промеж неба на земле*). Выполнение им воинских обязанностей в боевых условиях не позволяет ему надеяться на будущую жизнь в раю из-за совершения смертельного греха убийства, но при этом его отчаянность, храбрость и смелость способны напугать даже нечистую

силу (*Солдату ни в раю, ни в аду места нет*). В сказках буйный СОЛДАТ мучает чертей муштрой и те вынуждены его отпустить, поэтому смерть не пугает (*Смерть русскому солдату свой брат; ср. – Двух смертей не бывает, а одной не миновать*). В походах СОЛДАТУ не мешают расстояния, поэтому с армией он побывал в разных странах (*Кто в солдатах не бывал, тот землепроходного зелья не видал*), чувствуя себе везде как дома (*Русский солдат, куда бы ни пришёл, все дома*).

Темпоральный код реализуется только в одной паремии про срок службы (*Двадцать пять лет солдатский век*), т.е. бытовое время не осознаётся СОЛДАТОМ, поскольку его самостоятельная жизнь закончилась в момент призыва на действительную службу, а окружающий мир проживается в категориях походов и муштры. Старость связана не с возрастом, а с выслугой лет (*Старый солдат и стараться рад*).

Как уже упоминалось выше, **духовный код** в паремиях про СОЛДАТА связан с сакральными ценностями, когда защиту даёт только Бог. Паремии реализуют скрытую метафору о человеческих жертвоприношениях богу войны, когда только ценой многих солдатских жизней можно добиться мира (*Убей Бог солдата, утиши войну!*).

Результаты исследования. Национальный характер в русских паремиях про СОЛДАТА. Под понятием «национальный характер» понимается «фрагмент языковой картины мира, реконструируемый на основе лингвистических данных и отражённых в культуре стереотипов» [8, с. 338]. Проведённый анализ [1] выявил ряд качеств, закрепившихся благодаря паремиям за СОЛДАТОМ, среди которых главными являются: 1) скорость реакции, 2) манёвренность, 3) неприхотливость в быту, 4) выносливость и 5) высокая степень адаптируемости и приспособляемость к любым условиям. К личностным характеристикам солдата относится изобретательность, хитрость и изворотливость, позволяющая «сварить» кашу из любого предмета (*Солдат из бороньего зуба щи варил*). В русской культуре СОЛДАТ всегда считает себя членом воинского братства, защищая Родину, он не нападает на врагов первым. Паремии отражают основные свойства русской языковой личности, сформировавшиеся под воздействием таких доминант как «1) религиозность (православие), 2) соборность, 3) всемирная отзывчивость, 4) стремление к высшим формам опыта, 5) поляризованность души» [2, с. 93; 9].

В целом, «интерпретация фразеологизмов (слов-компонентов) в различных тематических кодах культуры позволяет говорить об особой функции фразеологизмов – их принятия на себя роли символов, эталонов, стереотипов» [6, с. 194]. В этом отношении русские паремии со словом СОЛДАТ заключают в себе определённым образом закодированные культурные смыслы, сценарии культуры, национально-специфические ценности и внутрисоциумные установки [10; 11].

Список литературы

1. Вакуленко У.В. СОЛДАТ в русской паремической картине мира // Теория и методика обучения военному переводу: научное наследие и перспективы развития. М.: Военный университет, 2025. С. 72-84.
2. Воробьев В.В. К понятию русской языковой личности // Язык и культура. Уфа: Башкирский ун-т, 1995. С. 86-96.
3. Гудков Д.Б., Ковшова М.Л. Телесный код русской культуры: материалы к словарю. М.: «Гнозис», 2007. 288 с.
4. Даль В.И. Пословицы русского народа. М.: Гос. изд-во художественной литературы, 557. 990 с.
5. Даль В.И. Толковый словарь живого великорусского языка: в 4 тт. СПб.: ТОО «Диамант», 1996.
6. Ковшова М.Л. Лингвокультурологический метод во фразеологии: Коды культуры. М.: Книжный дом «Либрусек», 2012. 456 с.
7. Красных В.В. Этнопсихоллингвистика и лингвокультурология: Курс лекций. М.: ИТДКГ «Гнозис», 2002. 284 с.
8. Левонтина И.Б., Шмелев А.Д. Родные просторы // Логический анализ языка. Языки пространств. М.: Языки русской культуры, 2000. С. 338-347.
9. Масленникова Е.М. Духовный код русской литературы: параметры интерпретируемости и (не)переводимости // Лингвокультурологические исследования. Логический анализ языка. Понятие веры в разных языках и культурах. М.: Гнозис, 2018. С. 643-654.
10. Масленникова Е.М. Русские паремии как система лингвокультурных ориентиров // Вестник Московской международной академии. 2017. № 1. С. 184-197.
11. Масленникова Е.М. Сценарии культуры и проективность слова в тексте // Когнитивные исследования языка. Вып. № 2 (49): Когнитивная лингвистика и межкультурная коммуникация. Тамбов: Издательский дом «Державинский», 2022. С. 825-830.
12. Маслова В.А. Пименова М.В. Коды лингвокультуры. М.: Флинта, 2016. 180 с.
13. Ожегов С.И. Словарь русского языка. М.: Рус. яз., 1986. 797 с.
14. Телия В.Н. Русская фразеология. Семантический, прагматический и лингвокультурологический аспекты. М.: Школа «Языки русской культуры», 1996. 288 с.
15. Тихонов А.Н. Фразеологический словарь современного русского литературного языка. М.: Наука, 2004. 832 с.
16. Фасмер М. Этимологический словарь русского языка. В 4 т. Т. 3 (Муза – Сят). М.: Прогресс, 1987. 832 с.
17. Фразеологический словарь современного русского языка. М. Аделант, 2014. 1512 с.
18. Шаменков С.И. Венгерское платье пехотных полков армии Петра Великого // История военного дела: исследования и источники. 2012. Т. I. С. 421-463.
19. Hoad T.F. The Concise Oxford Dictionary of English Etymology. Oxford: Oxford Univ. Press, 2003. 547 p

Об авторах:

МАСЛЕНИКОВА Евгения Михайловна – кандидат филологических наук, доцент, доцент кафедры герменевтической лингводидактики и английской филологии, Тверской государственный университет (170100, г. Тверь, ул. Желябова, 33); e-mail: e-maslennikova@inbox.ru.

ВАКУЛЕНКО Ульяна Владимировна – курсант, Военная академия воздушно-космической обороны им. Маршала Советского Союза Г.К. Жукова (170022, г. Тверь, ул. Жигарева, 50); e-mail: vakuleenko@mail.ru.

LINGUOCULTURAL SPECIFICITY OF RUSSIAN PROVERBS WITH THE WORD “SOLDIER”

E.M. Maslennikova¹, U.V. Vakulenko²

¹Tver State University, Tver

²Military Academy of Aerospace Defense named after
Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov, Tver

The article discusses the cultural meanings, cultural scenarios, nationally specific values, and interpersonal beliefs encoded in Russian proverbs containing the word “soldier.” The parameters of the linguocultural type ‘Russian Soldier’ are presented. The authors show the parameters of cultural and linguistic codes given in proverbs about soldiers.

Keywords: *culture, linguaculture, proverbs, cultural codes.*

About authors:

MASLENIKOVA Evgeniya Mikhailovna – Candidate of Philological Sciences, Associate Professor, Associate Professor of the Department of Hermeneutic Linguodidactics and English Philology, Tver State University (33 Zhelyabova St., Tver, 170100); e-mail: e-maslennikova@inbox.ru

VAKULENKO Ulyana Vladimirovna – Cadet, The Military Academy of Aerospace Defense named after Marshal of the Soviet Union G.K. Zhukov (50 Zhigareva St., Tver, 170022); e-mail: vakuleenko@mail.ru.

Статья поступила в редакцию 04.10.25
Подписана в печать 25.10.25

© Масленникова Е.М.,
Вакуленко У.В., 2025